

Петр Дуткевич¹,
Д. Б. Казаринова²

КОНЕЦ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Поезд, сошедший с рельсов

Почему заканчивается та форма глобализации, которая распространена сегодня, и каковы последствия этого? Следуя логике рассуждений Ивана Крастева (Ivan Krastev) [10] и Зигмунта Баумана (Zygmunt Bauman) [5], авторы приходят к выводу, что налицо окончание эпохи глобализации в том понимании, которое было принято в последние несколько десятилетий, и наступление дезинтеграции глобального порядка. Мы чувствуем наступление хаоса, принципиально другого мира. В этом мире нормы международного права перестают определять межгосударственные отношения, меняются отношения внутри и между государствами, создаются новые блоки. Возникают малоуправляемые или совсем неуправляемые ситуации с точки зрения национальных государств.

Все правительства национальных государств сталкиваются с проблемой управления (governability).

¹ Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «НАТО смотрит на восток», «Украина: социальная и экономическая трансформация», «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (серед.), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (серед.), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (серед.), «Демократия против модернизации: дилемма для России и мира» (серед.), «Россия — проблемы преобразования» (серед.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (серед.), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.). Соучредитель и член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных наук. Почетный доктор РУДН (2006), почетный доктор РАНХиГС при Президенте РФ (2007).

² Доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат политических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерения», «Европейский Союз и Россия: политическое и социокультурное измерение», «Духовно-ценностные основания России и национальная безопасность» и др.

Функции государства реализуются все с большим трудом: сбор налогов, поддержание социального баланса, интеграция мигрантов, диалог с гражданским обществом и средним классом (опорой государства) — задачи остались те же, но прежние способы их достижения больше не работают. В поисках объяснения данного феномена можно выделить различные подходы.

Первый подход предложил известный европейский политолог Иван Крастев, второй — макросоциолог Зигмунт Бауман. По Крастеву, проблема возникла вследствие того, что после кризиса Великой депрессии все поверили в ведущую роль государства в регулировании экономики. Но в 1960-е годы государство перестало справляться с этой задачей, и кейнсианский подход использования государства в регулировании рынка отошел на второй план. На передний план тогда выдвинулись сторонники либерального подхода, для которых рынок был и целью, и средством, альфой и омегой. Потом либерализм переродился и стал карикатурой на самого себя. Милтон Фридман (Milton Freidman) [8, 9], который был удостоен Нобелевской премии по экономике «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации», задал парадигму, ставшую доминирующей в осмыслении экономики во всем мире. Но эта парадигма вызвала потрясающий эффект, способствовал превращению гражданина в потребителя.

Такое превращение индивидуума из политического гражданина с локальной повесткой и пониманием общественного блага в потребителя, который в своем поведении руководствуется идеей экономической целесообразности, минимизирует издержки и максимизирует социальную прибыль, стало законом, который работал до кризиса 2008 года. Результатом кризиса стало крушение данного порядка: рынок стал не способен удержать глобальную экономическую систему. Более того, это произошло не только на Западе, но и в Ки-

тае и Юго-Восточной Азии. В результате, по мнению И. Крастева, глобальный кризис стал не только экономическим, но и идейным: мы перестали верить в силу рынка, государства, во Фрийдмана и Кейнса.

Такой кризис тотального недоверия всем привычным основаниям социального бытия — удар по мировосприятию западного человека. Запад держится на доверии институтам. Человек доверял государству, но больше не может. Он доверял банкам — банки его обманули. Он перестает доверять стержню данной системы. Чудовищная избирательная кампания по выборам президента США, полемика между Х. Клинтон и Д. Трампом — не что иное, как последствия конца глобализации. По исследованиям 2012 года, около 11 % представителей американского среднего класса утратили свой статус за счет потери 40 % своего благосостояния. Россияне в 1990-е годы пережили слом основ общественного устройства и шок вследствие лишения социального и экономического положения, но для западного общества, привыкшего к большей стабильности и благополучию, этот шок грозит существенными переменами.

Начинается борьба за выживание не на национальном и региональном уровнях, а на уровне индивидуума. Западное общество перестает быть обществом гарантированного выживания, а значит, постмодерным. Это разрушает все социальные сети и политику как таковую. Человек политический интенционален вовне, он проявляет себя, демонстрирует политическое поведение, идет на выборы, верит в то, что его интересы будут услышаны и защищены. Сейчас эта система рушится.

Второй способ объяснить, почему поезд глобализации сошел с рельсов, — представления макросоциолога Зигмунда Баумана о современном состоянии общества как *Interregnum*, где парадигмы старого уже не работают, а парадигмы нового еще не сформулированы. Любое междуцарствие и отсутствие правил игры означает хаос. Здесь можно согласиться с Майклом Манном (Michael Mann), историческим макросоциологом, представителем неовевеберовской школы социально-политических исследований, известным своими работами о государстве. Его теория основана на том, что большинство индустриальных национальных государств осуществляет управление с помощью инфраструктурной власти [11], которой граждане подчиняются не в силу принуждения, а добровольно — в силу осознания выгод и удобств, которые она несет. По Манну, «инфраструктурная власть — это институциональная возможность... коллективная власть, «власть сквозь» общество, координирующее общественную жизнь через государственную инфраструктуру. Государство определяется как совокупность центральных и радиальных институтов, проникающих через его территорию» [11]. Но сейчас инфраструктурной власти приходит конец.

Куда направлена сила?

На основе анализа двух подходов можно прийти к выводу, что центральной становится проблема новых оснований для управления и государством, регио-

ном, глобальным порядком. Этим основанием вновь становится сила. Но что такое сила в новых условиях, каковы ее источники, кто и каким образом может ее использовать? В отсутствие силы и государство, и рынок теряют свой смысл. Гарвардский ученый турецкого происхождения Дэни Родрик (Dani Rodrik) [14] предложил интересный взгляд, утверждая разрыв между силой и политикой, порождающий кризис управляемости системой на национальном и глобальном уровнях. Джонатан Нитцан (Jonathan Nitzan), автор книги «Capital As Power: A Study of Order and Creorder» [13], фокусирует внимание на природе капитала при капитализме и предлагает альтернативный марксистской и неоклассической экономике взгляд на этот вопрос. Капитал рассматривается им как количественная оценка силы. А сила понимается не классически — как способность не заставить следовать интересам субъекта влияния, а оказать влияние для добровольного подчинения.

Дэни Родрик утверждает, что в настоящее время мы наблюдаем передвижение силы в глобальном масштабе. В географическом измерении это сдвиг силы от глобального Севера к глобальному Югу, от развитых стран Европы и Америки в сторону Юго-Восточной Азии. Помимо географического измерения, существует и функциональное: силы вымываются из национального государства, происходит сдвиг локуса силы (*shift of locus*). Наличие центра без силы — сегодня ключевой момент управления системой на любом уровне.

Французский социолог Мойзес Наим (Moises Naim), автор книги «Конец власти» [12], предложил емкую формулировку: мы живем во время, когда власть/силу легко обрести, сложно применить и еще сложнее удержать. Причины этого, по М. Наиму, — это «революция множества», то есть поливариантность всего; «революция мобильности», то есть подвижность всего; «революция ментальности», когда коллективные ценности уступают место индивидуальным. В этих условиях даже маленькая неинституционализованная группа может мгновенно приобрести глобальное влияние или существенным образом изменить способ существования того или иного государства.

Превратности постглобального суверенитета

В условиях размывания силы политический центр, лишенный ее, старается отсутствующую силу манифестировать, что влечет за собой рост авторитарных тенденций. Сравнительный анализ десятка стран показал, что в последнее время независимо от географии расположения страны и политического режима ее власти начинают принимать сходные управленческие решения. Вне зависимости от уровня демократического развития начинается политическая конвергенция методов управления. Это принципиально меняет понимание суверенитета. Классическое понимание суверенитета неразрывно связано с наличием контроля: суверенитет — как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство. Это суверенитет в понимании XIX века, когда, обладая силой, политический субъект владеет всеми возможностями поступать по своему усмотрению. Однако «глобализация не только меняет социальноэкономическую и политическую картину мира,

но и трансформирует внутреннюю сущность суверенитета, изымая у государства функции организации и управления физическим пространством. Речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновении новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции» [4]. Но в условиях повсеместного распространения навязанных стандартов доминирующей рациональности (*external standards of rationality*) речь идет о постглобальном суверенитете, который принимает внешние стандарты рационализации своего поведения. Встает вопрос о потенциале политической субъектности, понимаемой как совокупность самоосознания, самодетерминации и самопроектирования политической общности в условиях глобального мира и способности ее продуцировать (в противовес стратегии заимствования субъектности) [3]. Если сила находится вне границ национальных государств, то возможны два варианта укрепления национального суверенитета: его сохранение с опорой на военную мощь (стратегия В. Путина) или глобальная гегемония посредством подписания глобальных международных торговых договоров (стратегия Б. Обамы). Какая из стратегий может быть реализована и окажется эффективной — вопрос открытый.

Страх как политическая категория

Перспектива применения военной мощи в ответ на внешнюю угрозу стала гораздо более осязаемой в последние несколько лет. В серии передач канала «Аль-Джазира» (“Al Jazeera”) “Contemporary Fear” было убедительно показано, что в условиях глобальной неопределенности, отсутствия власти, тотального недоверия институтам страх становится одной из ведущих эмоций современного человека. Страх не только как психологическая, но и как экономическая и политическая категория бытия — доминирующий фактор глобального масштаба в международных экономических и политических отношениях. Психологи определяют причины возникновения страха на индивидуальном уровне: чувство одиночества, отверженности, подавленности, угрозы самоуважению, ощущение собственной неадекватности. Быстроразвивающийся технически и материально и идейно стремительно обновляющийся современный мир создает условия для развития подобных чувств как у индивидуума, так и на уровне целых обществ. Если кратковременный страх может послужить импульсом к объединению и защитной реакции общества, то длительный диффузный страх перерастает в состояние тревоги, подавленности, что выливается в социальную стагнацию.

З. Бауман в качестве последствий этого рассматривает формирование текучего, плавающего общества (*liquid society*), которое отличает от премодернистского и постмодернистского общества отсутствие твердого стержня. В таком обществе идентичность является функцией рыночных отношений. В отличие от обществ с «твердым» культурным ядром, которые осознают свое место в наличной социальной структуре, плавающее общество порождает текучий страх (*liquid fear*) [6]. Источник и направленность этого страха неясны. В таких условиях общество начинает искать более или

менее определенного врага и предпринимает попытки вернуться в стабильное прошлое, отсюда — резкий рост правого популизма по всему миру. Эта социальная наивность оказывается оправданной, потому что истоки и рычаги страха идентифицировать невозможно. Индивидуумы ощущают хрупкость личного положения, общества, хрупкость обстановки в своей стране и во всем мире в целом.

Популизм проявляется, во-первых, в недоверии элитам, а во-вторых, в кризисе нормативной составляющей общественной системы. Людям кажется, что при трансформации способа мышления и нормативной системы они приобретут новое качество жизни. В-третьих, проявлением популизма является идея нового мира, которая привлекает в ИГИЛ (запрещена в России) множество сторонников. Идея нового мира как альтернативы существующему несправедливому порядку всегда была сильной идеологией, которой сложно противостоять. Все эти разные проявления популизма объединяет то, что они отрицают рациональные способы поведения и отвергают объективность наличной ситуации. Эта «мягкая» революция уже началась. Во многих странах мира популизм (левый и правый, религиозный и секулярный) проявляется в разных формах: ИГИЛ, брексит, победа Д. Трампа и социальный бунт против Вашингтонских элит, во Франции — исламофобия, в Польше — возврат к крайне традиционалистскому обществу. Таким образом, популизм во всем его многообразии — единственная идеология, которая адекватно отвечает на вызов страха. Потому что в условиях страха популизм предлагает уничтожить все то, что страшит в современном мире, и вернуться к «золотому веку» в прошлом, корням, истокам, простым мыслям и рецептам.

Есть ли альтернатива?

Нет модели, есть процесс

Безусловно, глобальные процессы будут продолжаться, но уже в русле интернационализации. Общественные социальные сети, движение информации и капиталов вне национальных границ будет увеличиваться. В то же время глобализация пойдет по пути регионализации, а попытка удержать определенные рычаги силы будет действовать на региональном уровне. Примеры данной тенденции — региональные проекты «Один пояс и один путь», Евразийский экономический союз, НАТО, дискуссия между США и ЕС об общем рынке в формате трансатлантического партнерства. Регионализация приведет ко вторичному расслоению международных отношений.

Какова же модель будущего социально-экономического порядка? Такой модели нет, но есть процесс. Это видно на примере успешного развития Китая, где не существует определенной экономической модели, а есть процесс, сочетающий государственный контроль и неолиберальный рынок. Сочетание экономического либерализма и жесткого госуправления в политической сфере стало основой успеха Юго-Восточной Азии. Следует верить не только Кейнсу или Фридману, но и Кейнсу, и Фридману, и национальной основе, которая отражает политическую и историческую культуру

туру данного общества. Таким образом, в перспективе успешное развитие возможно только для тех обществ, которые сохраняют силу, политическую субъектность и государственную управляемость, остальные обречены на еще большие трудности. Границы раскола будут проходить не по привычной линии глобального Запада и глобального не-Запада, а по другим основаниям. Новые региональные группировки будут формулировать новые правила игры, и в данном смысле это означает конец глобализации. Глобализация, которая привела к унификации норм, достигла своего предела — грядет новое расслоение мира, в том числе и по нормативному основанию. Примером может стать различие подходов (в языке, целях, задачах, способах их реализации) Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, с одной стороны, и МФВ и Всемирного банка — с другой. В перспективе существует определенная надежда, что региональные блоки и их нормативные проекты обусловят возникновение конкуренции, которая даст глобализации новый толчок и бурное развитие через несколько десятилетий (если сослаться на И. Валлерстайна). До этого мир будет жить в условиях неопределенности и текучей современности.

Исходя из сказанного, можно утверждать важность институтов, которые обеспечивают сильное государство. Это означает потерю определенного уровня свободы. Данный процесс (не модель) развития закладывает ограничение демократических свобод, носит глобальный характер, так как во всем мире ценности свободы вступают в противоречие с широко понимаемыми ценностями безопасности.

Россия: двадцать лет в условиях анонии и глобальной неопределенности

Описываемые процессы осмыслиются социальными философами на Западе как новые, в то же время российское общество уже три десятилетия живет в условиях не до конца сформировавшейся идентичности, личной и общественной нестабильности, низкого уровня межличностного доверия и недоверия к институтам, а также ценностной анонии. В этом смысле россияне и жители постсоветского пространства имеют конкурентное преимущество, выработав определенные стратегии выживания. Если с экономической точки зрения локус силы в России сдвинулся, то военно-политиче-

ская мощь, амбиции регионального лидера и политическая субъектность, свобода от внешних стандартов рациональности позволяют России претендовать на место среди стран, которые окажутся в роли локомотивов региональных блоков и авторов альтернативной нормативной системы. России важно успеть преодолеть имеющую место текучесть, не впасть в радикализм и популизм, выступить с инициативами, которые могут быть применены во всем евразийском макрорегионе, и эффективно конкурировать в «гонке интеграций» с растущим Китаем и слабеющим Евросоюзом.

Литература

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. — М. : Логос, 2004.
2. Дуткевич П. Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях / П. Дуткевич [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf
3. Казаринова Д. Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире / Д. Казаринова // Поиск. Альтернативы. Выбор. — 2016. — № 2. — С. 182–189.
4. Пономарева Е. Суверенитет в условиях глобализации / Е. Пономарева // Свободная мысль. — 2007. — № 11. — С. 101.
5. Bauman Z. 44 Letters from the Liquid Modern World / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2005.
6. Bauman Z. Liquid Fear / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2006.
7. Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty / Z. Bauman. — Cambridge : Polity, 2006.
8. Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. — N. Y., 1957.
9. Friedman M. Capitalism and Freedom / M. Friedman. — N. Y., 1962.
10. Krastev I. In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders? / I. Krastev // TED. — 2013. — Jan. — 3 Books.
11. Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — Vol. 2 : The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914.
12. Naim M. The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be / M. Naim. — N. Y. : Basic Books, 2013.
13. Nitzan J. Capital as Power. A Study of Order and Creorder / J. Nitzan, S. Bichler. — L. : Routledge, 2009.
14. Rodrik D. The Globalization Paradox / D. Rodrik. — N. Y. : Norton & Company, Inc., 2011.